

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гражданские и этнические идентификации в России и Польше

Е.Н. Данилова

В научной и популярной литературе активно обсуждаются проблемы интеграции современного российского общества, природа и причины этнических конфликтов в пост-советское время, рост национального самосознания русских, угроза ксенофобий из-за притока этнических мигрантов и т.п.¹. Тем не менее, не так часто рассуждения опираются на эмпирические данные. В нашем распоряжении «социальные факты», полученные в репрезентативных исследованиях населения России и Польши. В фокусе статьи идентификации с широкими общностями — этническими и гражданскими. Мы смотрим, насколько часто взрослые жители этих стран отождествляют себя с такими сообществами, каково их место и значение в системе множественных идентификаций.

Сравнение России и Польши дает представление о роли нации и государства и о соотношении этнических и гражданских идентификаций в моноэтнической Польше, не сталкивающейся с проблемами межэтнических конфликтов, и многонациональной России, для которой эти проблемы чрезвычайно остры.

Один из волнующих вопросов: что важнее — принадлежность к этносу или государству? Считается, что в Польше доминирует этническая идентификация. О российской идентичности идет много споров. Одни считают, что гражданско-государственная составляющая превалирует. Известен тезис о том, что в России всегда речь шла об идентичности в рамках государства, которое бесспорно считалось основой идентичности русских. Другие акцентируют внимание на росте этнического самосознания русских и национальных чувств, стимулируемых столкновениями с «чужими» культурами, приносимыми потоком мигрантов, возрождением Русской Православной

¹ См., например: Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М: МШСЭН, 2003.

Церкви. Тем не менее, сегодня говорить о той или иной тенденции с достаточной уверенностью трудно.

Есть ли принципиальные различия между русскими, этническим большинством России (именно о нем прежде всего пойдет речь, поскольку в рассматриваемой выборке 86 % русских) и жителями Польши, и на что они указывают?

Другой вопрос — о роли этнических и гражданских идентичностей в интеграции общества. Идентификации с гражданскими общностями несут позитивный потенциал, не таящий в себе межнациональных трений и конфликтов. Но нельзя не согласиться с мнением, высказанным многими авторами данного сборника, что сегодня в России отсутствует достойный общегражданский проект, позволяющий интегрировать все общество. Каковы тенденции в этнической и гражданской идентификациях россиян по сравнению с поляками? Попробуем взглянуть на предложенные вопросы с помощью эмпирических данных.

Методика исследования

Исследование проводилось по сопоставимым методикам в двух странах одновременно². В результате мы получили срезы по национальным репрезентативным выборкам населения старше 18 лет. В России использовалась квотированная выборка, ее объем — 1600 человек, в Польше рандомизированная — 1100 человек. Испытав наш инструментарий в нескольких исследованиях, мы полагаем, что полученные с его помощью результаты надежны.

Применялись две методики. Обе предоставляют респонденту возможность соотносить себя с различными социальными категориями. Предлагаемый для соотнесения список включал широкий диапазон социальных общностей: национальные, государственные, связанные с конкретным регионом, полом и семьей, религией, политикой, возрастом, профессией, социальным слоем.

Одна методика была нацелена на регистрацию личностной самоидентификации (условно — «**я-идентификации**»)³. Она состояла в

² Исследования проводились дважды: в мае 1998 г. и июне 2002 г. По материалам двух исследований готовится к печати книга «Россияне и поляки на рубеже веков: социальные идентификации жителей России и Польши».

³ Методика фиксирования «Я-идентификаций» была предложена польскими коллегами К. Косэлой совместно с М.Грабовской, Т. Шавелем, Е. Колбовской.

следующем. Из 40 предложенных характеристик респондент отбирает те, которые он считает для себя подходящими (см. список категорий в табл. 10 в приложении⁴), например, «молодой», «отец», «гражданин России». В опросе это звучало следующим образом: «Мы хотим спросить, что Вы думаете о себе. На этих карточках много характеристик. Пожалуйста, выберите те характеристики, которые подходят для Вас, и отложите в сторону те, которые не подходят». Респонденту дают карточки, на которых указаны различные характеристики, и просят разложить их в две стопки. Респондент может выбрать любое число относящихся к себе характеристик из предложенных на карточках. После того как респондент разложил карточки в две стопки, его просят ранжировать по важности отобранные характеристики: выбрать самую для него важную, далее — самую важную из оставшихся, затем следующую наиболее важную и т.д. Интервьюер регистрирует каждый выбор респондента. Таким образом, для каждого респондента получался определенный набор релевантных ему социальных характеристик, ранжированных по степени их значимости. В рамках данной статьи важность идентификаций не анализируется⁵.

Вторая методика направлена на выявление групповых идентификаций (условно «**мы — идентификации**»)⁶ Респондента просили выразить свое мнение относительно различных социальных общностей. Вопрос звучал так: «В жизни мы встречаем разных людей. С одними быстро находим общий язык, легко их понимаем, другие же нам чужие, хотя живут рядом с нами. Сейчас я буду называть Вам разные группы людей. Как часто Вы чувствуете, что они Вам близки, о каких вы можете сказать — это мы?» (Варианты ответов: часто, иногда, ни-

⁴ В польском опросе предлагалось 39 характеристик, поскольку категория «представитель своей национальности» была использована только в России.

⁵ Важность идентификаций подробно рассматривается в статье К. Косэлы «Сравнение распространенности, важности и связеобразующего потенциала идентификаций в России и Польше» в кн.: «Россияне и поляки на рубеже веков: социальные идентификации жителей России и Польши».

⁶ Вопрос в точности повторял тот, что был использован в опросах 1992–1998 гг. См.: Социальная идентификация личности-2 / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РосАН, 1994; В.А. Ягов. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 167–174; Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян. Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76–86.

когда, трудно сказать). В результате респондент высказывал свое мнение относительно каждой предложенной группы (общности), их список приводится в табл. 11 приложения.

Различия методик в том, что они акцентируют внимание на различных механизмах идентификации. Идентичность может быть «чувствуемой» как близость, сопереживание какому-либо сообществу, либо «распознаваемой» как принадлежность человека к этому сообществу. Психологический механизм отбора я- и мы-идентификаций во многом аналогичен — в обоих случаях задействуются когнитивные структуры психики человека. Однако, в отличие от отбора карточек (я-идентификаций), где респондент фокусирует внимание на своей собственной принадлежности к социальным общностям, «примеряя» к себе названные категории, в вопросе о мы-идентификациях акцент смещается на более эмоциональное отношение респондента к другим окружающим его людям, группам или воображаемым сообществам, соотнося себя с которыми, он чувствует их близость или отторжение. Условно можно считать «я-идентификации» — скорее когнитивными, «мы-идентификации» — скорее эмоциональными.

В нашем исследовании к этническим мы условно относим все те категории, которые по своему содержанию связаны с культурными корнями этничности. Они же могут трактоваться как традиционные. Это — определение себя русским или поляком, близость по религии и культуре, славянская идентичность (сами люди часто вкладывают в эти категории и родовые признаки, указывающие на наличие общих предков)

Гражданские идентификации определяем как те, которые связаны с разными уровнями и формами отношений с общественными институтами, где не родственные связи, мифы и легенды о своем народе, а правовое поле и взаимодействие с государственными институтами и институтами гражданского общества являются основой, обеспечивающей важность и востребованность соответствующей идентичности. К гражданским в нашем исследовании относятся государственные идентификации, такие как «граждане России», «россияне», и надгосударственные идентификации «европейцы», т.е. граждане Европы, а также «все человечество», понимаемое как граждане мира.

Статус локальных идентификаций пока не вполне ясен. Отнесение себя к «жителям одного поселения, местности» может выступать и формой субгосударственной (муниципальной) идентификации, но для этого требуется высокая степень структурированности местного сообщества, чего в России пока не наблюдается. Поэтому в российском варианте идентификация себя с диффузным локальным сообще-

ством, скорее всего, будет иметь много общего с этническими идентификациями.

Распространенность этнических и гражданских идентификаций у россиян и поляков

Наблюдается сходство двух стран в большой значимости и распространенности этнической и государственно-гражданской идентификаций, причем этот вывод следует из анализа данных, полученных по обоим методикам. Принадлежность к нации и государству являются самыми распространенными характеристиками среднего россиянина и поляка.

Я-идентификации с государством и этносом по распространенности конкурируют с такими первичными человеческими идентичностями, как гендерные и семейные (табл.1).

Таблица 1

Пять наиболее распространенных «я-идентификаций»

В РОССИИ (N=1603)			В ПОЛЬШЕ (N=1069)		
ранг	Идентификации	Распространенность (%)	ранг	Идентификации	Распространенность (%)
1-3	Гражданин России	79	1	Поляк	84
1-3	Мужчина / Женщина	79	2-3	Человек верующий	77
1-3	Русский	78	2-3	Мужчина / Женщина	77
4-5	Мать / Отец	69	4-5	Гражданин Польши	70
4-5	Житель региона/города/местности	65	4-5	Мать / Отец	67

В России в целом для всего населения этническая и государственная идентичности идут на равных⁷, в то время как в Польше значимость этнической выше, чем гражданской.

⁷ Однако, если взять подвыборку русских (т.е. тех, кто называет себя русскими), то по распространенности этническая опережает государственную (см. табл. приложения). Об этом пойдет речь позже.

Различия в следующем: в России в число пяти самых распространенных попадает местная идентификация, в Польше — религиозная.

Казалось бы этнические и государственные сообщества не являются теми, принадлежность к которым ощущается повседневно. Тем не менее, как видно из табл. 2, по частоте выбора гражданами двух стран в качестве эмоциональных идентификаций «воображаемые» (конструируемые) сообщества усиленно соревнуются с реальными группами повседневного общения, такими как семья, друзья, единомышленники, товарищи по работе.

Неудивительно, что большой процент респондентов в двух странах выбирают в качестве близких малые реальные группы. Но важно и то, что достаточно высокий процент россиян и поляков указывают на сильную эмоциональную близость к этнонациональному и государственному сообществам. Для России близость по этническому признаку «с людьми моей национальности» (более 70 %) демонстрируется несколько чаще, чем с гражданским сообществом «россияне». Однако примечательно, что и эта категория, когда-то выпущенная в жизнь первым Президентом России, работает — более 60 % опрошенных считает ее своей «мы — группой».

Таблица 2

Самые распространенные «мы-идентификации»

(по ответам «часто»)

В РОССИИ (N=1603)			В ПОЛЬШЕ (N=1069)		
ранг	Идентификации	Распространенность	ранг	Идентификации	Распространенность
1	Семья Друзья	86 — 88	1	Семья	87
2	Сверстники Люди того же достатка Единомышленники	78 — 80	2	Друзья	76
3	Люди той же национальности Земляки	72 — 74	3	Единомышленники	62
4	Люди той же профессии Россияне Коллеги	63 — 64	4	Поляки Люди того же достатка	54 — 57

Из данных табл. 2 и табл. 11 приложения видно, что поляки, в целом, реже, чем россияне, выбирают те или иные мы-идентификации, но порядок предпочтений примерно тот же.

Сходство проявляется и в том, что большинство россиян и поляков наиболее часто выбирают в качестве близких себе групп семью и друзей. Отличие — для большинства поляков более значимы прежде всего семья и друзья, в то время как большинство россиян декларируют близость не только с семьей и друзьями, но и с другими группами⁸.

Подытоживая, можно сказать, что наряду с малыми группами и ближайшим окружением, жизненный мир россиянина и поляка вмещает воображаемые большие сообщества — нацию и государство⁹. Для поляков традиционные ценности остаются незыблемыми и в эпоху перемен, их мир основывается на «трех китах»: семья, нация, вера. Государство имеет меньшее значение. Для русских важен расширенный микромир (семья, товарищи по работе, коллеги, близкие по духу, сверстники), своя национальная общность, своя «малая родина», а также и государство.

Рассмотрим далее *все множество* гражданских и этнических идентичностей. Сравнение с Польшей оттеняет проблемы российской идентичности. Особенно отчетливо видны различия двух стран, если сравнить идентификации, условно подразделяя их на две группы: гражданские и этнические. Повторим, что к комплексу этнических идентификаций относятся и религиозные, и культурные, которые тесно связаны с этничностью и подтверждают приверженность этнонациональным традициям. Славянская идентичность также может быть отнесена к этническим. Комплекс гражданских идентифи-

⁸ По данным мониторинга, россияне на протяжении 1990-х гг. выбирают в качестве близких им групп семью, друзей, сверстников-людей одного поколения, коллег по работе, земляков. Первичные группы образуют устойчивый базовый комплекс коллективных идентификаций. Ориентация на семейные и дружественные связи преобладает и в других странах восточно-европейского региона. Так, например, в исследовании эстонских коллег также выявилось, что большинство эстонцев во многом отождествляют себя с первичными группами. Причем это не только семья и родственники, а и друзья, коллеги, люди, разделяющие общие ценности (Т. Вихалемм. По результатам сравнительного эстонско-шведского исследования 2002 г.). И восточные немцы отличаются от западных большим весом первичных групп в своих идентификациях (К. Косэла. По результатам сравнительного исследования молодых немцев и поляков 2001 г.).

⁹Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В.Г. Николаева. Под ред. С.П. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

каций включает в себя принадлежность к государственным сообществам, а также к надгосударственным – европейскую и идентификацию с человечеством («гражданин мира»).

Как видно из табл. 3, в России более распространены я-идентификации государственно-гражданского комплекса, а в Польше – этнокультурного.

Таблица 3

**Сравнение гражданских и этнических идентификаций
в России и Польше («я – идентификации»)***

РОССИЯ (N = 1603)	% в выборках		ПОЛЬША (N = 1069)
Гражданские идентификации			
Гражданин России	79	70	Гражданин Польши
Советский человек	44	25	Гражданин Польской Народной Республики (ПНР)
Гражданин страны, которая перестала быть Великой державой	35	10	Гражданин страны незначительной в мире
Гражданин Великой державы	28	28	Гражданин страны, важной в мире
Европеец	24	45	Европеец
Этнические и культурные идентификации			
Русский	78	84	Поляк
Верующий	47	77	Верующий
Сторонник православной церкви	39	50	Сторонник католической веры
Славянин	36	27	Славянин
Приверженец Русской национальной идеи	17		
		55	Приверженец польских народных традиций
Представитель своей национальности	10		
Локальные идентификации			
Житель своей местности	65	50	Житель своей местности

* Жирным здесь выделены идентификации, которые более распространены в одной из стран по сравнению с другой.

Польская идентичность очень гомогенна — она базируется на этносе¹⁰, традиции и ценностях веры. Для большинства поляков естественен выбор идентичностей, указывающих на национальную принадлежность. Религиозные идентичности в Польше столь же важны, как и национальные. Вместе они образуют сплав «польскости». Так, около 70 % поляков одновременно выбрали самоидентификации «поляк» и «верующий».

На фоне Польши *россияне* выглядят, если можно так сказать, более современными, доля гражданских идентификаций в сравнении с этнокультурными у них выше. Но российская идентичность сложнее, в ней содержатся противоречивые тенденции.

Россияне сильнее, чем жители Польши, выражают идентичность именно с государством, и с современным российским, и с бывшим советским. Россиян отличает более глубокий след имперского и советского прошлого, в самоидентификациях россиян сильнее чувствуется драматичность утраты бывшего государства — Советского Союза. Советская идентичность запечатлена в памяти людей старших поколений. За более чем 10 лет с того момента как перестал существовать Советский Союз, причастность к советскому народу еще живет в людском сознании: более 60 % выбирают такую идентификацию, либо когнитивно, либо эмоционально, из них почти 17 % не приемлют нынешнего российского гражданства (не выбирают характеристику «гражданин России»). Тем не менее российская идентичность постепенно вытесняет советскую. В России больше 40 % населения предпочитают новое российское гражданство и не ассоциируют себя с «советским человеком» (табл.4), (из них, правда, 10 %, отвечая на вопрос о мы-идентификациях, выражают близость к советскому народу). Среди поляков, тех, кто предпочитает современную Польшу социалистической ПНР, около половины.

Интересно, что и для части поляков социалистическое прошлое имеет значение: более 20 % одновременно считают себя и гражданами современной Польши, и гражданами бывшей Польской Народной Республики (ПНР), но только 2 % предпочитают ПНР современной Польше.

Самое примечательное, что 27 % поляков вообще безразличны к обоим видам гражданства. В России таких — 15 %.

¹⁰ Следует, правда, иметь в виду, что у поляков, в сравнении с русскими, «этнос» ближе к «нации» в ее гражданском понимании.

Отличительной чертой россиян является и более частый выбор идентификаций с местным сообществом. *Локальная идентификация* является одной из самых распространенной. В я-идентификациях она уступает российско-гражданской и этнической принадлежности (табл. 1), однако в мы-идентификациях — чувства близости к «землякам» даже несколько опережают по распространенности чувства принадлежности к «россиянам» (табл. 2).

Таблица 4

**Сочетания современных и ретроспективных
гражданских идентификаций**
(по методике «я-идентификация», доля в выборке, %)

Страна	Одновременно выбрал и «гражданин России», и «советский человек»	Выбрал «гражданин России» и НЕ выбрал «советский человек»	Выбрал «советский человек» и НЕ выбрал «гражданин России»	НЕ выбрал НИ «гражданин России», НИ «советский человек»
РОССИЯ Вся выборка (N = 1603)	38	41	6	15
	Одновременно выбрал и «гражданин современной Польши», и «гражданин ПНР»	Выбрал «гражданин современной Польши» и НЕ выбрал «гражданин ПНР»	Выбрал «гражданин ПНР» и НЕ выбрал «гражданин современной Польши»	НИ «гражданин современной Польши», НИ «гражданин ПНР»
ПОЛЬША (N = 1069)	22	49	2	27

Такая глобальная гражданская идентичность, как *европейская*, естественно, выбирается чаще поляками, чем россиянами. В России эту идентичность выбрали всего 24 % населения, что, видимо, связано, с распространенной в правящих элитах и среди населения идеей об «особом пути» России¹¹. В Польше гораздо меньше искушений «особым путем» и евразийством. Кроме того, правящая элита в 2002

¹¹ В 2002 г. 63 % населения считали, что «России нужно следовать не чужим образцам, а собственным традициям и особенностям». См.: *Общественное мнение — 2002 // По материалам 1989—2002 гг.* М.: ВЦИОМ, 2002. С.155—157; см. также анализ этой проблемы в кн.: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

г. (в момент опроса) определенно готовила страну, уже вошедшую в НАТО, к вступлению в Евросоюз. Но несмотря на все это, оказалось, что не так много поляков — всего 45 % — выбрали европейскую идентичность.

Что касается этнокультурного комплекса идентификаций, то здесь, как было сказано, лидирует Польша (см. табл. 3). Однако распространенность чисто этнических я-идентификаций, если суммировать выбравших идентификацию «русский» (78 %) и «представитель своей национальности» (10 %), в России (в сумме 88 %) и в Польше (84 %) практически одинакова.

В Польше, как уже говорилось, важнее культурные составляющие этнонациональной я-идентичности. Сравнение с Польшей по распространенности религиозных идентификаций, наверное, могут проиграть многие страны.

Интересно, что и в России после 70-летнего периода забвения церкви почти половина населения относит себя к верующим, причем людьми других национальностей этот выбор делается несколько чаще, чем русскими (53 % против 46 %; см. табл. 12 приложения). Причем среди русских вера практически сливается с церковно-институциональной принадлежностью: идентификации «сторонник православной церкви» и «верующий» идут почти на равных (39 и 47 %; см. табл. 3). А в Польше более значима категория «верующий», чем «сторонник католической веры» (разница в распространенности почти 30 %; см. табл. 3). Таким образом, русский — это значит православный, а поляк — человек скорее верующий, чем католик. В многоконфессиональной постсоветской России имеет место институциональная экспансия православной церкви, в то время как в Польше католицизм не испытывает необходимости в этом.

Такая разновидность этнокультурной я-идентификации, как *славянская*, более распространена в России, чем, в Польше (см. табл. 3), и, естественно, среди русского населения (см. табл. 12 приложения).

В нашем распоряжении имеются данные о динамике идентичностей в России за 90-е гг., собранные с помощью методики «мы-идентичностей». Как следует из этих данных, на протяжении 90-х гг. в России усиливалось чувство близости ко всем большим «воображаемым» сообществам (табл. 5). Самым заметным был прирост этнических и локальных идентификаций. Прирост гражданских идентификаций немного ниже, но также весом.

Таблица 5

**Динамика распространенности этнических,
гражданских и локальных мы-идентификаций**
(% респондентов, называющих чувство близости к тому
или иному сообществу; сумма ответов «часто» и «иногда»)

Называют чувство близости к:	Май 1992	Дек. 1992	Март 1993	Июнь 1993	Нояб. 1993	Июнь 1994	Нояб. 1994	Янв. 1997	Май 1998	Июнь 2002	П р и - р о с т, % 2002–1992
Людям той же национальности	75	76	74	72	77	78	76	85	91	95	+20
Россиянам	71	71	66	67	77	71	70	71	84	88	+17
Общности «Советский народ»	47	46	44	39	49	49	44	54	52	63	+16
Гражданам СНГ	49	42	38	36	38	39	34	50	63	66	+17
Землякам (тем, кто живет в нашем городе, поселке)	73	75	71	76	75	80	80	83	92	96	+23

Иллюстрацией существующих тенденций в российской общегражданской идентификации служат результаты факторного анализа (табл. 6).

В сравнении с Польшей, где этнонациональная идентичность «поляки» является стержневой конструкцией, связывающей и поддерживающей все остальные, включая гражданские (см. структуру первого фактора в польской выборке), в России такой консистентности нет — этнические (и локальные) идентификации, судя по результатам факторного анализа, автономны от общегражданских (в число последних входит гражданство России, СНГ, советское гражданство и даже ощущение себя гражданином мира). Соответственно, в России для части населения важнее этнические и локальные сообщества, а есть и те, кто готов солидаризироваться с другими гражданами, независимо от их этнической и локальной принадлежности. Процес-

сы усиления и конструирования региональных и местных идентификаций обсуждаются исследователями и рассматриваются как затрудняющие становление общегражданской идентичности в постсоветской России и противостоящие федеральному «центру»¹². В нашем исследовании локальная идентичность, представленная в формулировках «жители одной местности (села, города)», в сознании людей скорее отождествляется с малой родиной, соседством, землячеством, т. е. носит примордиальный характер и ближе по своему статусу к этнической (см. структуру первого фактора в российской выборке), чем к гражданской.

Таблица 6

Виды взаимосвязей между мы-идентификациями
(по результатам факторного анализа 8-ми переменных,
приводятся первые и вторые факторы после вращения)

РОССИЯ	ПОЛЬША
Фактор 1: Этнические и локальные идентичности (традиционные)	Фактор 1: «Открытая» этническая идентичность
Люди той же национальности 0.71	Поляки 0.74
Земляки 0.71	Все человечество 0.71
Местные традиции 0.68	Люди той же национальности 0.67
Приверженцы национальных традиций 0.48	Приверженцы национальных традиций 0.60
	Земляки 0.53
Фактор 2: «Открытые» гражданские идентичности (современные)	Фактор 2: Ретроспективные идентичности*
Все человечество 0.78	Местные традиции 0.83
Граждане СНГ 0.73	Сторонники ПНР
Россияне 0.63	Приверженцы национальных традиций 0.60
Советский народ 0.63	
Приверженцы национальных традиций 0.48	*Высокие средние значения фактора получены для подвыборки крестьян

¹² См., например: Центр и региональные идентичности в России / Под. ред В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М., 2003.

Основное отличие между польской и российской моделью выявилось во взаимосвязях этнических и гражданских идентификаций. В структурах факторов обнаружилось два типа идентичности: открытые и закрытые. Открытый тип — когда отношение к более узкому сообществу не препятствует включению в более широкое — вплоть до «всего человечества». В России такими «открытыми» идентичностями являются гражданские, включая идентичность «россияне». А этническая и локальная идентичности ведут скорее к закрытости, замкнутости в этих сообществах. В Польше — другое: принадлежность к этническому сообществу не мешает открытости, а идентичности, связанные с прошлым (с местными и национальными традициями, с прошлым государственным устройством — ПНР), являются закрытыми.

Русские и нерусские: соотношение государственной и этнической идентификаций

Более подробно остановимся на идентификациях по этническому признаку и идентификациях с государством. Польша — моноэтническое государство, а Россия — полиэтничное, поэтому в этой части рассмотрим отдельно подвыборки россиян, относящих себя к русским и к представителям других национальностей.

Напомним, что если взять всю российскую выборку, то в я-идентификациях принадлежности к этносу и государству распространены примерно одинаково. Разделим теперь нашу выборку на две подвыборки: тех, кто отвечая на вопрос «паспортички», отнес себя к русским, и тех, кто назвал другую национальность, и рассмотрим я-идентификации в рамках этих подвыборок. Необходимо подчеркнуть, что подвыборка нерусских — это не население национальных республик, а тех, кто большей частью живет среди русских.

Картина по подвыборкам отличается от той, что получена в масштабах всей выборки (см. табл. 12 приложения).

Русские чаще выбирают этническую принадлежность, в то время как люди других национальностей реже — 88 % против 70 %. В выборе же российского гражданства практически нет различий между русскими и другими национальностями (77 и 80 %).

Различия более заметны, если смотреть на комбинации этнических и гражданских я-идентификаций. Являясь одновременно и гражданином страны, и членом этнического сообщества, не все люди считают обе принадлежности важными, некоторые выбирают только национальную, другие — только гражданскую. Есть и такие, для кого эти характеристики вообще не имеют значения (см. табл. 7).

Таблица 7

**Соотношение этнической и гражданской идентификаций
в России и Польше**

(по методике я-идентификаций, в % от выборки)

	Одновременно выбрал и «рус- ский (или «представитель своей нацио- нальности») /поляк», и «гражданин России/ Поль- ши»	Выбрал «рус- ский (или «представитель своей нацио- нальности») /поляк», и НЕ выбрал «граж- данин России/ Польши»	Выбрал «граж- данин России/ Польши» и НЕ выбрал «рус- ский (или «представитель своей нацио- нальности») /поляк»	НЕ выбрал НИ «гражданин России/ Поль- ши», НИ «русский (или «предста- витель своей на- циональности») /поляк»
РОССИЯ Вся выборка (N=1603)	64	13	15	8
Подвыборка (указали, что русские, N = 1385)	73	15	6	6
Подвыборка (указали, что другой нацио- нальности, N = 213)	55	15	22	8
ПОЛЬША Вся выборка	62	22	8	8

Большинство людей и в России, и Польше отмечают одновременно свою принадлежность и к этносу, и к государству. Но особенно характерно это для русских: российское гражданство для большей части русских является столь же распространенным выбором, сколь и этническая принадлежность. Людям других национальностей совмещение государственной и этнической идентичностей дается труднее. Среди русских таких 73 %, среди других национальностей — 55 % (различия значимы).

В российской выборке в целом примерно поровну тех кто выбрал этническую принадлежность без гражданства, или гражданство без

этнической принадлежности. Однако, в подвыборке русских выше доля тех, кто склонен выбирать только этническую принадлежность, чем только гражданскую (15 % против 6 %), а среди нерусских выше доля тех, кто выбирает только гражданскую, по сравнению с теми, кто выбирает только свою этническую принадлежность (22 % против 15 %).

Интересно, что вопреки распространенному мнению, российское гражданство «в чистом виде» чаще выбирается представителями других национальностей, живущими среди русских. А русские чаще, чем нерусские, выбирают этническую принадлежность. В этом смысле русские более схожи с поляками, которые, однако, живут в моноэтнической стране. Скорее всего, русским легче указывать свою этническую принадлежность, а представители других национальностей менее охотно делают это в ходе опроса. Связано ли это с ростом национального самосознания русских, либо российская государственная идентичность не является для части населения однозначно позитивной, а этническая когнитивно более доступна — вопросы для более глубокого анализа.

Когнитивное осознание принадлежности к сообществу и эмоциональное отношение к нему

Поводы для ощущения себя гражданами страны или представителями этноса не обязательно связаны с противостоянием «чужим», или «другим», но прежде всего с тем, какие конструкции и смыслы предлагают политики и масс-медиа, в какой мере общие проблемы ощущаются своими, приходится ли чувствовать и решать их сообща. Наши данные позволяют взглянуть и на такую проблему: является ли человек, заявляющий о своей собственной принадлежности этническому или государственному сообществу, эмоционально включенным в это сообщество, переживает ли близость к другим его членам.

Можно ли говорить об этнической идентичности, если этническая общность ничего не значит для человека, хотя когнитивно он определяет себя как принадлежащий к ней? Или о гражданской идентичности, если факт принадлежности к гражданскому сообществу кажется человеку несущественным? Иными словами, каково соотношение когнитивных и эмоциональных идентификаций. Анализ совмещения я- и мы-идентификаций иллюстрирует этот вопрос. Всю выборку мы поделили на четыре группы по типу соотношения этих двух форм идентификаций.

Человека можно считать более включенным в сообщество, когда он определяет себя как принадлежащий к сообществу и одновременно считает его членов близкими себе, чувствует причастность к сообществу, сопереживает его проблемам. Условно назовем таких людей «вовлеченными в сообщество». Это наиболее сильные идентификации. Предположительно этот тип обладает сильным солидаризирующим потенциалом в рамках сообщества, но и наибольшей возбуждаемостью, когда речь заходит об интересах сообщества, когда можно играть на эмоциональной составляющей этой идентификации.

Другой тип — те, кто когнитивно заявляет о своей принадлежности, но не испытывает чувства близости к сообществу. Вряд ли можно говорить о том, что такой человек сильно обеспокоен проблемами своего сообщества, эти чувства не актуализированы. Такие идентификации менее эмоционально нагружены. В принципе это нормальное состояние людей в спокойной ситуации. Условно назовем этот тип «когнитивно осознающие принадлежность к сообществу». Предположительно они являются сравнительно нейтральными в отношении положения и проблем своего сообщества.

Третий тип — те, кто не говорит о своей принадлежности сообществу, но при этом испытывает чувства близости и причастности к нему, что означает, что сообщество и его проблемы для него небезразличны. Такое отношение с сообществом можно сравнить с болельщиками спортивных команд, основная роль которых постоянное проявление эмоциональной поддержки команде. Условное название — «болельщики», или сочувствующие. Вероятно, этот тип содержит солидаризирующий потенциал, по крайней мере, эмоциональное сопереживание и потребность в поддержке. Хотя не исключено, что такие чувства могут быть и декларативными. Тем не менее, можно говорить о том, что чувства и интерес по отношению к сообществу актуализированы, их легче «подогревать», примерно как в случае с болельщиками.

И, наконец, есть и такие, кто не признает ни своей принадлежности к сообществу, ни чувств к нему — «абсентеисты».

Рассмотрим эту типологию применительно к этническим и государственным сообществам в России и Польше.

Этнические сообщества. В России в целом около 60 % граждан осознают свою принадлежность к таковым сообществам и связаны с ними близкими солидарными чувствами. «Вовлеченных в сообщество» больше среди русских (67 %), чем среди людей других национальностей¹³ (53 %) (табл. 8).

Таблица 8

**Типы этнической идентификации
(по комбинации я- и мы-идентификаций),**

Страна	I «Вовлеченные в сообщество» (Одновременно выбрали «я – русский (или «представитель своей национальности)» /поляк», и чувствуют близость к «людям своей национальности»)	II «Когнитивно осознающие принадлежность к сообществу» Выбрали «я – русский (или «представитель своей национальности)» /поляк», и НЕ чувствуют близость к «людям своей национальности»	III Болезличики или Сочувствующие (Чувствуют близость к «людям своей национальности» и НЕ выбрали «я – русский (или «представитель своей национальности)» /поляк»)	IV Абсентеисты НЕ выбрали «я – русский (или «представитель своей национальности)» /поляк», и НЕ чувствуют близость к «людям своей национальности»
РОССИЯ Вся выборка (N=1603)	58	19	16	7
ПОЛЬША (N=1069)	49	35	8	8
Подвыборка тех, кто указал, что русский, N= 1385)	67	22	8	4
(Подвыборка тех, кто указал, что принадлежит другой национальности, N= 213)	53	17	22	8

В Польше, однако, где высоко значение этнической идентичности, доля «вовлеченных в национальные сообщества» ниже (около половины), чем в России. Среди поляков довольно значительна (35 %)

¹³ Важно иметь в виду, что здесь мы рассматриваем не население национальных республик, а тех, кто попал в общероссийскую выборку, т. е., тех, кто большей частью живет среди русских.

доля «когнитивно осознающих этничность», т. е. тех, кто выбирает свою индивидуальную «польскость», но не разделяет близкие чувства к другим полякам. «Болезьщиков» в отношении этнонационального сообщества совсем немного.

Интересно, что в подвыборке русских распределения похожи. Относительно высока доля «когнитивно осознающих свою этничность», и, также как и в Польше, мала доля «сочувствующих болезьщиков».

Отношения людей нерусских этносов к своим этническим сообществам не так очевидны. Здесь относительно высока (более 20 %), в отличие от русских, доля «сочувствующих болезьщиков», для которых важнее не столько собственная когнитивно определяемая этническая идентичность, сколь соучастие и поддержка своего национального сообщества. То есть люди менее охотно указывают свою собственную принадлежность на когнитивном уровне, но не могут не выразить свою эмоциональную близость со своим этническим сообществом.

Гражданско-государственные сообщества. Традиционно в Польше государственная идентификация не имеет такой силы, как этнонациональная, и для поляков проблема гражданства не так значима, как для России. Однако и в современной России только половина населения ощущают себя «вовлеченными» гражданами страны, т. е. когда когнитивное отнесение совпадает с чувством причастности, близости с гражданско-государственным сообществом (табл. 9).

В обеих странах гражданско-государственная идентификация чаще выражена только на когнитивном уровне, нежели только на эмоциональном: для всех выборок доля «когнитивно осознающих» выше, чем «сочувствующих».

Таким образом, наиболее частый вариант — это гармоничное сочетание когнитивной и эмоциональной компоненты и в гражданско-государственной и в этнической идентификациях.

В тех же случаях, *когда когнитивная и эмоциональная идентичности автономны*, для русского большинства обе идентификации — гражданско-государственная и этническая — чаще только когнитивны, чем только эмоциональны (см. строку 3 в табл. 8 и 9). А для представителей других национальностей, проживающих среди русских, гражданская идентификация чаще только когнитивна, а этническая — только эмоциональна (см. строку 4 в табл. 8 и 9). То есть нерусские воспринимают свою гражданскую принадлежность разумом, а зато этническую скорее чувствами. Среди них больше тех, для кого связь и поддержка национальных общностей и сетей важнее, чьи этничес-

кие чувства более выражены. Для русских же эмоциональная компонента обеих идентификаций ослаблена, и свою «русскость», и свою «русскость» они воспринимают чаще «умом». В этом смысле имеется сходство между русским этническим большинством в России и поляками, которые также в большей степени когнитивно, чем эмоционально воспринимают свои и гражданство, и этнос.

Таблица 9

**Типы гражданской идентификации
(по комбинациям я- и мы-идентификаций),
в % от выборки**

Страна	I «Вовлеченные в сообщество» (Одновременно выбрали «я – гражданин России/Польши», и чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»)	II «Когнитивно осознающие принадлежность к сообществу» Выбрали «я – гражданин России/Польши», и НЕ чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»	III Болезлишки или Сочувствующие (Чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши» и НЕ выбрали «я – гражданин России/Польши»)	IV Абсентеисты НЕ выбрали «я – гражданин России/Польши», и НЕ чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»
РОССИЯ Вся выборка (N=1603)	51	29	12	8
ПОЛЬША (N=1069)	42	29	15	15
РОССИЯ (Подвыборка тех, кто указал, что русский, N= 1385))	51	28	13	8
РОССИЯ: (Подвыборка тех, кто указал, что другой национальности, N= 213)	48	29	11	12

Заключение

На протяжении истории России и Польши идеи этноса и государства формировались в этих странах по-разному. Чувство принадлежности к сообществу государственному и сообществу этническому в России и Польше рождалось в разных условиях, тень тех давних событий присутствует и в наши дни.

В Польше традиции и наследие XIX и XX вв. проявляются в сплав этнической общности с общностью вероисповедания. В XIX в., ключевом периоде для формирования современных наций, здесь не было самостоятельного государства. Национальную территорию приходилось постоянно отвоевывать у соседних империй. Поэтому исторически идея этнонациональной общности главенствовала в Польше, где, в отличие от России и Западной Европы, не государство и власть, а национальная элита формировала чувство принадлежности к особому народному сообществу.

В России картина в принципе другая. В Российской империи государство всегда стремилось превалировать над этносом. Государство вторгалось в религию, принуждало к обязательной военной службе, контролировало систему воспитания и образования. Такие действия принесли плоды: у большинства жителей понятия страны, отчизны, великого государства и святой земли всего народа слились воедино. В Советском Союзе линия имперского сплочения была продолжена.

Серьезным вызовом для россиян стали события последних лет, в ходе глубоких трансформаций их представления об этнических и государственных общностях менялись, приобретали иные смыслы. В России, прежде всего, изменилось само государственное сообщество. Сложность самоопределения вызвана многими факторами. Один из них — болезненный процесс смены советской на общероссийскую гражданскую идентичность прежде всего для поколений, социализированных при Советском Союзе.

Здесь можно выделить, по крайней мере, два аспекта. Первый. Этническое самосознание может стать конкурентом государственной и общегражданской идентичности.

Когда мы говорим об общегражданской идентичности, то имеем в виду не только принадлежность к определенному государству, но прежде всего доверие и комфорт граждан, живущих в пределах одного государства, выполнение взаимных обязательств.

Отношение к такому сообществу, как «россияне», можно рассматривать как гражданскую идентичность, прежде всего потому что эта более широкая общность в многонациональном государстве поз-

воляет подняться над узкоэтническими интересами. Известно, что в начале периода постсоветских реформ само название «россияне» казалось малопривлекательным как для правящих элит национальных республик Российской Федерации, для которых принцип права наций на самоопределение служил мощным орудием в борьбе за власть и ресурсы, так и для русских этнонационалистов, опасавшихся растворения русского ядра в сверхэтнической общности¹⁴. Тем не менее, как показывают данные, эта идентификация принимается большинством населения, особенно на когнитивном уровне (методика «я-идентификации»), и на протяжении 90-х гг. становится все более распространенной (методика «мы-идентификации»).

Многие наблюдатели считают, что для русских идея государства важнее этноса и что идентичность в России было принято связывать с государством, нежели с этносом, особенно в советское время. Согласно точке зрения П. Кольсто, Советский Союз был надэтническим государством. Он считает, что и дореволюционная Россия была державой, надэтнической «сверхнацией», ядро которой составлял русский этнос, а верхушка обладала державным, имперским, но не национальным самосознанием». Советская власть также пыталась сконструировать «новую историческую общность "советский народ"», которая, по сути, была тоже надэтнической. Ни то, ни другое не может быть названо этнической идентификацией. Соответственно, этнической идентичности русские практически не испытывали. Ссылаясь на данные опросов 70 — начала 80-х гг., Пол Кольсто отмечает, что в то время как 80 % граждан других национальностей связывали свою родину с национальной республикой, 70 % русских заявляли, что их родина — Советский Союз¹⁵.

По мнению Ю. Левады, категория «советский народ» — более вместительна и многоаспектна, эта суперэтническая категория была видоизмененной или превращенной формой, синтезирующей идею государственности и этнонациональной идентичности («семья народов») ¹⁶. Она подавляла и заменяла в прошлом остальные социогрупповые идентичности, прежде всего этнические.

¹⁴ *Kolsto P.* Political construction Sites: National building in Russia and the Post-Soviet States. Trans. from Norwegian. Boulder, Colorado; Oxford, UK: Westview Press, 2000. P. 213.

¹⁵ *Kolsto P.* Political construction Sites: National building in Russia and the Post-Soviet States/Trans./from Norwegian. Boulder, Colorado; Oxford, UK: Westview Press, 2000. P. 198.

¹⁶ *Левада Ю.А.* Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 14 — 18.

В связи с этим возрождение этнического самосознания русских после распада СССР и его конкуренцию с общегражданским рассматривают как естественный процесс.

Другой аспект сложного процесса формирования общегражданской идентичности — идентификация с «великой державой». После распада СССР даже многие антикоммунистически настроенные люди, с радостью встретившие избавление от власти КПСС, сожалели о крахе державы, которая ассоциировалась не столько с социальным строем, сколько с величием страны. Поэтому большая по сравнению с Польшей важность государственной общности заметна и в частоте выбора идентификации, показывающей горечь от распада советской империи, ностальгию о принадлежности к «великой державе» и «советскому народу». Драматизм утраты великого государства и не соответствующий ему образ нынешней России также объясняют трудности становления новой гражданской идентификации и причины живучести (особенно среди старшего поколения) идентификации с «советским народом» (см. табл. 3).

Идея сильного государства оказалась сильно подорванной. Более того, современное российское государство вообще мало стимулирует людей к осознанию себя его гражданами. Критическое отношение россиян к своему нынешнему государству и его структурам установлено множеством исследований, недоверие к государственным институтам достигает невероятных размеров. Выражается это во взаимной «безответственности»: государство не несет ответственности за своих граждан и за то, что с ними происходит, и, соответственно, граждане не несут ответственности за свою страну.

Тем не менее *наши данные позволяют сделать несколько позитивных выводов*. Позитивным фактом является то, что общегражданская идентичность «россияне» принимается населением страны и широко распространена.

Для большей части населения гражданская и этническая идентичности одновременно приемлемы. Есть те, для кого важнее гражданская идентичность, причем именно гражданские идентификации в России являются наиболее «открытыми», позволяющими включаться и в более широкие сообщества, вплоть до граждан мира. Одновременно есть и тенденция усиления этнической и локальной идентичностей, которые ведут скорее к закрытости, замкнутости в этнических и местных сообществах.

Русский этнос, с точки зрения идентичности, чувствует себя относительно комфортно, также как польский в Польше. Но в сравнении с поляками, россияне независимо от своей национальности

сильнее привержены гражданско-государственной идентификации. Этот факт, возможно, есть продолжение традиции, сохраняющейся с советских времен. Россия, будучи преемницей Советского Союза, идеалами гражданского проекта которого восхищались западные мыслители¹⁷, в определенном смысле имеет более модернизованную по сравнению с Польшей структуру идентификаций, а россияне имеют все предпосылки идти по пути современной общегражданской идентичности.

Однако, вместе с этим, в России есть опасность замыкания в этническом или местном сообществе. Чувства причастности к этническим и локальным сообществам, как показало наше исследование, у части населения сосуществуют с общегражданской российской идентичностью. Элиты не смогли предложить цивилизованно сформулированную общегражданскую программу, заменяя ее популистскими призывами, что способствует скорее росту экстремистских настроений, особенно на основе этнически окрашенного патриотизма, ведущего в многонациональном государстве скорее к дезинтеграции, чем к интеграции, и препятствующего притоку необходимых для развития экономики страны мигрантов. Попытки возродить идею великодержавной составляющей общероссийской идентичности, которая была взята на вооружение новым руководством страны, также таят в себе много опасностей. У россиян существует потребность в общегражданской идентичности, основанной на доверии граждан и государства, а стратегию ее формирования власть и элиты пока не предлагают.

В Польше же картина принципиально иная. Польская модель не слишком сильно изменилась по сравнению с моделью национального государства XIX в., сохранив традиционные ценности и идентичности. По образному выражению наших польских коллег, россияне от уваровской триады в свое время ушли, а поляки к ней, наоборот, приходят. Этническая идентичность поляка на протяжении веков выполняет роль интегрирующей силы. И социалистическое прошлое не вытеснило эту традицию и не изменило идентичность поляка. Но дело не только в истории и традиции, но и стимулирующей роли элит и гражданского проекта, направленного на объединение с Евросоюзом. В сознании поляков сильны не только этнические, религиозные идентификации, но и гражданские. Эта структура идентификации

¹⁷ Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хорх и др. М: Праксис, 2002. С.12.

воплощает идею национального государства, усиленного вызовами в виде объединения с Европой, но и одновременно *открытого* внешнему миру и объединению с другими странами. То же, по-видимому, и в других бывших социалистических странах. Возможно, поэтому восточно-европейским странам, вдохновленным идеей возрождения своих национальных государств, было легче перейти на «новые рельсы» и при этом воссоединиться с Европой. В России же постсоветские трансформации, отягощенные трудностями становления новой общегражданской идентичности, носят более болезненные формы и имеют характер маятниковых движений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 10 (расширенный вариант табл. 1)
**Распространенность «я-идентификаций»
 в России и Польше (2002 г.)***

РОССИЯ	%	ПОЛЬША
	84	Поляк
Гражданин России	79	
Мужчина/женщина	79	
Русский	78	
	77	Мужчина/женщина
	70	Верующий
	70	Гражданин Польши
Мать/отец	69	
	67	Мать/отец
Житель своей местности	65	
	55	Приверженец польских народных традиций
Жена (муж) Хозяин своей судьбы	52	
	50	Житель своей местности Сторонник католической веры
	49	Жена (муж)
Такой, как все Верующий Тот, кто принимает судьбу, какова бы она ни была	47	Тот, кто принимает судьбу, какова бы она ни была, хозяин своей судьбы
	46	Бедный
	45	Европеец

Советский человек	44	Такой, как все
Молодой	40	
Сторонник православной церкви	39	
Представитель своей профессии	37	
Славянин	36	Пенсионер
Рабочий Гражданин страны, которая перестала быть Великой державой Сторонник жесткого порядка в стране Пенсионер	35	
Человек с будущим	33	
Работник предприятия, учреждения Пожилой	30	Молодой Пожилой
Гражданин Великой державы	28	Гражданин страны, важной в мире
Жертва реформ	27	Демократ Славянин
	26	Представитель интеллигенции
Бедный	25	Гражданин ПНР
Европеец	24	Человек с будущим
	23	Сторонник жесткого порядка в стране
Обеспеченный	21	Представитель своей профессии
	18	Работник предприятия, учреждения
Приверженец Русской национальной идеи	17	Рабочий
Крестьянин Представитель интеллигенции Неверующий	16	
	15	Жертва перемен 1989 г.
Человек без будущего	14	Человек без будущего
Безработный Демократ	13	Безработный
	12	Крестьянин
Представитель своей национальности	10	Гражданин страны незначительной в мире
Сторонник политика, партии	9	
Неевропеец	7	Студент/школьник Сторонник политика, партии

Студент/школьник	6	Предприниматель
Предприниматель	4	Обеспеченный
Член общественной организации, партии	3	Неверующий Член общественной организации, партии
	2	Неевропеец

* Жирным шрифтом в табл. 10 и 11 выделены гражданские, этнические и религиозные идентификации.

Таблица 11 (расширенный вариант табл. 2)

**Распространенность «мы-идентификаций»
в России и Польше (2002 г.) (по ответам «часто»)**

РОССИЯ	%	ПОЛЬША
Семья	88	
	87	Семья
Друзья	86	
Люди того же достатка	80	
Единомышленники	78	
	76	Друзья
Люди той же национальности	74	
Земляки	72	
Люди той же профессии	64	
Россияне	63	
	62	Единомышленники
Коллеги, товарищи по работе	61	
Сторонники местных традиций	60	
	57	Поляки
	54	Люди того же достатка
Приверженцы национальных традиций	52	Сверстники
	50	Приверженцы национальных традиций
	43	Земляки
	42	Коллеги
Проигравшие в ходе реформ	41	Люди той же профессии
Советские люди	38	Люди той же национальности
Выигравшие в ходе реформ	37	
	36	Проигравшие в ходе реформ

	36	Сторонники местных традиций
Все человечество	33	Все человечество
Близкие по политическим взглядам	33	
	27	Близкие по политическим взглядам
	21	Сторонники социализма и Народной Польши
	15	Выигравшие в ходе реформ

Таблица 12

Распространенность типич я-идентификаций в подвыборках русских и нерусских, % в подвыборках*

Идентификации	Подвыборка тех, кто указали, что они русские (N= 1385)	Подвыборка тех, кто указал, что принадлежит к другой национальности (N= 213)
Я – представитель своей национальности	x	70,4
Русский	88,0	x
Гражданин России	79,6	77,0
Житель своей местности	65,4	62,9
Советский человек	44,3	40,8
Гражданин Великой державы	28,9	23,5
Гражданин страны, которая перестала быть Великой державой	34,7	35,2
Верующий	46,4	52,6
Сторонник православной церкви	40,8	24,4
Славянин	39,2	17,8
Приверженец русской национальной идеи	18,0	7,7

* В табл. 12 и 13 жирным выделены те идентификации, распространенность которых в двух подвыборках значительно различается.

Таблица 13

Распространенность мы-идентификаций в подвыборках русских и нерусских, % в подвыборках, по ответам «часто»

Идентификации	Подвыборка тех, кто указали, что они русские, N= 1385	Подвыборка тех, кто указал, что принадлежит к другой национальности
С людьми той же национальности	74,3	74,6

С земляками (теми, кто живет в нашем городе, поселке)	71,4	74,6
С россиянами	63,8	59,6
С теми, кто уважает местные традиции	59,0	66,2
С приверженцами русских народных традиций	53,9	43,2
С общностью «советский народ»	38,2	39,9
С гражданами СНГ	33,4	39,4

Автор выражает признательность Владимиру Магуну за ценные замечания, сделанные им в ходе редактирования данной статьи.